

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЕ РАБОТЫ О ДИАЛЕКТАХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР

На территории Советского Союза имеются представители почти всех ветвей индоевропейской семьи языков, причем некоторые из них распространены преимущественно в нашей стране. Поэтому ясно, какое значение для науки имеют материалы, поступающие из индоевропейских исследовательских центров. В последнее десятилетие в Риге, Вильнюсе и Душанбе изданы систематические собрания диалектных текстов¹.

Ценность рецензируемых книг, разных по своему характеру и назначению, в том, что они дают широким кругам языковедов возможность ознакомления с труднодоступными или впервые публикуемыми материалами; представляют новые лингвистические факты индоевропейцам, все чаще обращающимся от традиционных литературных языков к живым диалектам; предлагают лингвистической типологии такие тонко структурированные и интересные системы и субсистемы, как, например, жемайтйские интонационные схемы, факты акцентологического и морфологического строя чрезвычайно оригинальных тамских диалектов или разнообразие глагольных парадигм в различных таджикских диалектах. Рецензируемые книги дают новые материалы и для проблемы языковых контактов (в данном случае — латышско-литовских, литовско-белорусских, таджикско-узбекских, таджикско-памирских).

В период первоначального собирания существовали лишь описания отдельных литовских, латышских, таджикских диа-

лектов, на основе которых были написаны предварительно-обобщающие труды, подводящие итоги определенному этапу накопления материала, а также ставившие задачи дальнейшей работы². Следующей ступенью явилось создание обобщающих теоретических монографий³. В настоящее время, с появлением систематических сборников диалектных текстов, встает неотложнейшая задача исторической интерпретации собранных материалов в их совокупности и соответственной модификации реконструируемого праязыкового состояния.

Композиция рассматриваемых книг обусловлена, прежде всего, их назначением и характером материала: они делятся на главы по диалектам, на параграфы — по говорам и подговорам. Приведем вытекающие из расположения материала в этих книгах классификации диалектов и говоров.

Литовский⁴

1. Жемайтйский:

1. Dounininkai.
2. Dūnininkai.
3. Donininkai.

² См., например: М. С. Андреев, Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров, Ташкент, 1930; А. З. Розенфельд, Некоторые вопросы таджикской диалектологии, «Вестник ЛГУ», 1961, 7; J. Endzelin, Lettisches Lesebuch, Heidelberg, 1922; его же, Baltu valodu teksti, Rīgā, 1936; G. Gerullis, Litauische Dialektstudien, Leipzig, 1930.

³ М. Rudzīte, Latviešu dialektoloģia, Rīgā, 1964; В. С. Расторгуев, Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., 1964; Z. Zinkevičius, Lietuvių dialektologij, Vilnius, 1966.

⁴ В качестве классификационного признака здесь использованы разные формы слов *dūona* «хлеб» и *pāntis* «путь», которые приводятся в одном ряду с географическими пометами.

¹ «Lietuvių kalbos tarmės», sudarė E. Grinaveckienė, A. Jonaitytė, K. Morkūnas, B. Vanagienė, A. Vidugiris; redagavo E. Grinaveckienė, K. Morkūnas, Vilnius, «Mintis», 1970 518 стр.; M. Rudzīte, Latviešu izloksņu teksti, Rīgā, Pēteris Stučka Latvijas Valsts Universitāte, 1964, 108 стр.; М. Эшнйёзов, Машғулиятҳои амали аз шевашиниҳои тоҷик, Душанбе, чопи Университети давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин, 1969, 280 стр.

II. Аукштайтские:

1. Восточный: а) северные, б) вьялоонские, в) южные.
2. Центральный.
3. Западный: а) puntininkai (восточные, центральные, западные), б) pantininkai, в) pontininkai.
4. Дзукский: а) западные, б) восточные.

Каждый из «поддиалектов» представлен параграфами по говорам отдельных пунктов; тем самым получается классификация более детализированная, чем та, которая была разработана З. П. Зинквичусом, «спускавшимся» лишь до бывших волостей. Приводятся также материалы по литовским говорам Белоруссии и Польши, словарь редких слов, а также карта расположения 704 пунктов.

Латышский

I. Говоры, испытавшие ливское влияние:

1. Курземские: а) глубинно-тамские, б) ближне-тамские.
2. Видземские: а) близкие к испытавшим ливское влияние, б) руенские, в) близкие к центральному, г) типичные.

II. Центральные говоры:

1. Куронские.
2. Земгальские: а) курземские, б) близкие к аукшземским, в) анапктические, г) без анапктикса.
3. Видземские: а) близкие к аукшземским, б) типичные, в) близкие к испытавшим ливское влияние.

III. Аукшземские говоры:

1. Селонские: а) глубинные, б) ближние.
2. Не-селонские: а) западные, б) восточные.

Эта классификация близка к другой схеме, также предложенной М. Рудзите⁵, хотя полностью с нею и не совпадает [там выделялось 16 говоров: А. Ливонский диалект: 1) глубинно-курземский, 2) ближне-курземский, 3) видземский, 4) говоры с ливонскими чертами, 5) говоры с куршским субстратом; Б. Среднелатышский диалект: 6) куронский, 7) земгальский, 8) говоры с земгальскими чертами, 9) видземский, 10) типичный среднелатышский, 11) говоры с верхнелатышскими чертами, 12) говоры с верхнелатышскими интонациями; В. Верхнелатышский диалект: 13) близ-

ний, 14) глубинный, 15) селонский, 16) говоры с селонскими чертами]. Тексты также приводятся по отдельным населенным пунктам, а не по районам.

Таджикский

I. Северный: бухарский, самаркандский, пянджикентский, ленинабадский, канибадамский, исфаринский, уратюбинский, шахристанский, аштский, чустский, касасайский, риштанский, чирчикский.

II. Центральный: мастчинский, фальгарский, гисарский (каратагский, варзобский, собственно-гисарский, орджоникидзебадский, яванский и колхозбадский говоры).

III. Южный: севернокулябский, южнокулябский, тагнобский, рогский, каратегинский.

IV. Юго-восточный: дарвазский, ванчский.

V. Сурхандарьинский: дарбадский, байсунский, шерабадский, сари-асияский.

VI. Кашкадарьинский: шахриябский, китабский, хардурийский, каршинский.

Эта схема следует за классификацией В. С. Расторгуевой⁶; обращает внимание тщательность анализа сурхандарьинского и кашкадарьинского материала. К юго-восточным говорам необходимо добавить бадахшанский⁷, который, вероятно, делится на говоры в соответствии с ареалами памирских языков.

Таким образом можно видеть, что иерархическая структура приведенных классификаций неодинакова: трехступенчатая для таджикского, четырехступенчатая для литовского и латышского.

Три рецензируемые книги имеют различное назначение: книги М. Рудзите и М. Эпшиязова — это в первую очередь учебные пособия (из них последнее — предназначенное для практических занятий по таджикской диалектологии), литовская антология — академическое издание. Назначением обуславливается объем книг и их строение. Так, в основных разделах литовской хрестоматии параллельно представлены диалектные и литературные тексты, здесь же дана теория классификации диалектов. Латышское издание в свою очередь интересно не только уникальными текстами, но и серией диалектных карт, удачно их дополняющих. Отличительная черта таджикского пособия —

⁶ В. С. Расторгуева, Опыт классификации таджикских говоров, в кн.: «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», 2, М., 1963, стр. 296—304.

⁷ А. З. Розенфельд, Таджикские говоры Бадахшана, Л., 1972.

⁵ М. Рудзите, Диалекты латышского языка. АДД, Рига, 1966 (см. карту 1).

это то, что наряду с большим количеством современных текстов даются тексты из старых записей, а также лаконичная, но продуманная система диалектологических упражнений. Все книги содержат библиографические разделы; литовское и таджикское издание включают и диалектные словари, естественно, различные по своему объему.

Каждая из трех книг содержит немало оригинальных, впервые публикуемых текстов. Так, в хрестоматии М. К. Рудзите приведен образец анценского подговора глубинно-тамского говора (из курсовой работы Э. Шваненберга «Описание прибрежного говора бывшей Анценской волости», ЛатГВ, 1958), вот фрагмент из него: *v'enreiz baruõn dēls adbroûcs uz mūs ciēm. laikam baruõn am kâc bi patēcs, ka Vilēmeir mešsârks pa doīž buks šoī* «Однажды сын барона приехал в нашу деревню. Вероятно, барону кто-то сказал, что лесник Вилемир слишком много коз стреляет».

В этом тексте обращает внимание характерное начальное ударение, например, в словах *v'enreiz, baruõn, adbroûcs*, своеобразное распределение слоговой интонации в словах *Vilēmeir, buks*. Слово *baruõn* подтверждает гипотезу М. К. Рудзите об архаичности «тамского» ударения⁸ и, следовательно, об относительно недавнем закреплении ударения на первом слоге. Для разъяснения непрозрачных фонетических отклонений от литературного языка автором применен удобный прием: *adbroûcs* (-tb-), т. е. лит. *atbr⁰*; *kâc* (-ds), т. е. лит. *kads*; *mešsârks* (-zs-, -gs), т. е. лит. *mešsargs*.

Литовская антология содержит тексты ко всем 704 пунктам подготовленного к печати диалектологического атласа. В качестве образца приводится начало текста пикеляйского говора *dounininkai*ского поддиалекта жемайтского диалекта; текст, записанный А. Гирдянисом в 1962 г. у информанта 1901 г. рождения, хранится в диалектологическом архиве института. Приведем следующий фрагмент: *givēⁿa gl'r'uo mûotin^a i turieġ^e dūkterⁱs t'ris, i dēd'lē pagar'si'nt^as, grāž^es/kēi^k*

⁸ М. Рудзите, Par uzsvāru vietu salikumos tāmnīeku izloksnēs, «Baltistika», VI, 1, 1970.

kavalier'u tē'n važ'ūs, — nēgrī's/i bō.ġ^ai'ri's brūolē «Жила в лесу женщина и имела трех дочерей, очень славившихся красотой. Сколько кавалеров туда ли ездило, (ни один) не возвращался. И было три брата».

На примере этого фрагмента видно, как много нового можно выявить для исследования диатонии литовского вокализма и просодики, морфологических вариантов и даже синтаксиса. К условностям, вызванным недостаточностью полиграфической базы, относится замена в хрестоматии надстрочных знаков знаками в скобках: *givēⁿ(a)*, *mûotin(a)*, *dūkter(i)s* и т. п.

Тщательное обследование нередко исчезающих таджикских диалектов за пределами Таджикистана — актуальная для иранистики задача, так как именно на окраинах таджикоязычного ареала сохраняется много своеобразного и архаического. В этих условиях интерес представляет публикация самаркандских диалектных материалов. В частности, в книге М. Эшниязова приводится прежде не публиковавшийся текст на самаркандском говоре северного диалекта (из фольклорных фондов АН ТаджССР, записан в 1923 г. И. И. Сухаревой) у четырнадцатилетнего информанта: *soni b'rinff^arūs ġuft ki «buzat-a namej^arūši-mi?» un kalča ġuft: «ha, mej^arūšam». — «čam pul?» ġuft. — «yak iškamam-a ser kuned a b'rinj!»* «Затем продавец риса спросил: „Ты не продашь ли свою козу?“ Тот лысый отвечал: „Да, продам“, — „Почем?“, спросил. — „Наполни разок мой желудок рисом!“».

То, что хрестоматия таджикских диалектов целиком переписана рукой составителя и издана как старый «чопи санġй» (литография) на ротапринте, не уменьшает ее ценности; такой метод исключает опечатки, вызываемые сложностью набора. Книга М. Рудзите изготовлена офсетным способом. Литовская же антология — выдающееся произведение полиграфического искусства.

В настоящее время исследование диалектов достигло того уровня, когда необходимо печатание диалектологических атласов. Возникает вполне реальная перспектива того, что весь индоевропейский ареал будет покрыт подробными региональными атласами.

Л. Г. Герценберг

«Otázky slovanské syntaxe», III. Sborník symposia «Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích». Brno 27—30 září 1971. Universita J. E. Purkyně. —Brno, 1973. 399 стр.

Сборник «Вопросы славянского синтаксиса. III» содержит материалы третьего международного симпозиума по вопросам синтаксиса в Брно. Такие симпозиумы Брненский университет организует

начиная с 1961 г. через каждые пять лет. Эти симпозиумы — заметное явление в развитии науки о синтаксическом строе славянских языков. Первый симпозиум (1961) был посвящен общим теоретичес-